

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2011 г. Н. И. НИКИТИН*

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ В СИБИРИ XVII века: ПОЛНЫЙ ПРОВАЛ ИЛИ ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ УСПЕХ?

Русская армия XVII – начала XVIII в. в последнее время все чаще привлекает внимание исследователей. В рамках этой тематики историков в первую очередь интересуют пути формирования в России регулярных войск, а конкретнее – вопрос о том, насколько петровская военная реформа была подготовлена первыми Романовыми. Он не нов для нашей историографии, решался исследователями по-разному, но рассматривался главным образом на материалах центральных районов страны без должного учета региональной специфики.

Большой интерес в этой связи представляет попытка новосибирского историка А.В. Дмитриева изучить региональный опыт реформирования русской армии в XVII в. применительно к территории Западной Сибири¹. Эта работа к тому же имеет важное значение для собственно сибиреведения, ибо практически завершает серию исследований, посвященных одной из основных категорий населения Сибири XVII в. – военно-служилым людям, которые внесли решающий вклад в присоединение Сибири и ее освоение на ранних этапах колонизации², но объектом специального исследования стали сравнительно недавно³.

Темой монографического исследования стали сибирские войска «нового строя» – солдаты, рейтары и драгуны. Они были сформированы в Сибири во второй половине XVII в., но в обстоятельствах их функционирования, эволюции и исчезновения оставалось до недавнего времени много «темных мест». Виной тому не только слабое внимание сибиреведов к этим «чинам», но и специфика источниковой базы. Архивный материал о сибирских войсках «нового строя», как правило, редко пересекается с основной массой документов местного и центрального делопроизводства, с которыми в основном имеют дело сибиреведы. Поэтому, если в литературе и находилось место для солдатских, рейтарских и драгунских полков Сибири, то сведения о них носили отрывочный, подчас противоречивый характер, и читателю было трудно проследить даже общую канву событий, связанных с историей сибирских войск «нового строя».

Работа Дмитриева позволяет устранить все эти неясности практически полностью. Им привлечен широкий круг разнообразных и вполне репрезентативных источников и дан их подробный анализ (с. 33–39). Источниковую базу исследования составили главным образом мало изученные материалы РГАДА, прежде всего из фонда Сибирского приказа, а также документы Верхотурской приказной избы и «Портфелей» Г. Миллера. Привлекалось, разумеется, и много опубликованных источников, в том числе нарративных. Впечатляет и охват автором специальной литературы: им использованы работы по истории не только Сибири, но и Европейской России и даже западноевропейских стран. В результате Дмитриеву удалось восстановить историю войск «нового строя» в Сибири с середины XVII до начала XVIII в., всесторонне осветив их положение и вы-

* Никитин Николай Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

явив специфику. В его работе показаны формирование, численность, состав, социальное происхождение, функции и структура, государственное обеспечение и вооружение, уровень боевой подготовки и дисциплины, реорганизация и эволюция сибирских войск «нового строя». По ходу изложения материала автор не только устраняет пробелы в историографии, но и вносит коррективы (порой весьма существенные) в работы историков, касавшихся рассматриваемых им вопросов в тех или иных аспектах (с. 116–117, 151, 160, 196 и др.).

В самом кратком изложении история сибирских полков «нового строя» по монографии Дмитриева выглядит следующим образом. В 1659 г. новый тобольский воевода И.А. Хилков получил царский наказ сформировать рейтарский и солдатский полки по тысяче человек в каждом. Однако максимальный набор (к сентябрю 1661 г.) составил лишь 786 рейтар и около 900 солдат. Большого не позволили ни людские, ни, главное, финансовые ресурсы региона, ибо рейтары и солдаты должны были находиться целиком на государственном (исключительно денежном) обеспечении, намного превышавшем оклады жалованья «традиционных» категорий сибирских служилых.

В 1667 г. тобольский воевода П.И. Годунов провел новые реформы. В результате вместо рейтарского и солдатского полков в Сибири учреждался полк драгун, которые должны были нести как конную, так и пешую службу, а расходы казны на их содержание значительно уменьшались. Но в штатное число драгун (1 200 человек) набрали всего 730 человек, и были также сохранены рейтарские роты (398 человек). В дальнейшем численность войск «нового строя» в Сибири еще более сократилась. В 1678 г. правительством царя Федора Алексеевича в Сибири был окончательно расформирован контингент рейтар (с их переводом в «традиционные» служилые категории), а из драгун, напротив, было решено создать полноценный боеспособный полк численностью в тысячу человек. На практике все свелось к формальному расширению драгунских отрядов за счет беломестных казаков и их родственников. Логическим завершением этой реформы явился официальный перевод всех драгун в беломестные казаки, последовавший в 1689 г.

В 1698 г. драгунский полк в Тобольске по распоряжению из Москвы был сформирован заново, из тех же беломестных казаков. Теперь, кроме пашни, им полагались денежные, хлебные и соляные оклады, в целом меньшие, чем у традиционных категорий сибирских служилых, и к тому же выдававшиеся (как и всем в Сибири) нерегулярно, с большими задержками и недоплатами. В характере служебной деятельности этих драгун, несмотря на новый статус, практически ничего не изменилось: она осталась аналогичной той, что несли в Сибири стрельцы и казаки. Драгуны по-прежнему защищали южные границы Западной Сибири от кочевников, правда, размещались там уже более компактно – в 10 слободах ротами по 100 человек.

В 1711 г. сибирскому драгунскому полку был придан официальный статус гарнизонного полка, и он, по словам Дмитриева, «оставался единственным подразделением петровской регулярной армии за Уралом вплоть до середины 1720-х гг.» (с. 196–197). К этому заявлению, однако, были бы желательны пояснения, ибо оно находится в разительном противоречии с неоднократными высказываниями автора о том, что драгуны в Сибири не являлись регулярным войском (с. 103, 114 и др.), что в восстановлении в 1698 г. сибирского драгунского полка мы не наблюдаем ничего принципиально нового по сравнению с вышеупомянутым мероприятием тобольского воеводы Годунова в 1668 г. (с. 187). Сведений же о каких-либо преобразованиях, превративших драгунский полк в 1698–1711 гг. в регулярное соединение, в монографии не приводится.

Некоторую ясность в этот вопрос вносит монография другого новосибирского историка – М.О. Акишина, вышедшая еще в 1996 г., не раз используемая Дмитриевым в его работе, но, видимо, концептуально не во всем для него приемлемая. По данным Акишина, в Тобольском драгунском полку «первоначально... царил дух казачьего самоуправления». Когда в 1713 г. по распоряжению сибирского губернатора М.П. Гагарина драгунам перестали платить жалованье, старый состав полка отказался служить, и на их место были поверстаны (за взятку) пашенные крестьяне, размещенные в Царевом

Городище в качестве «беломестных драгун» (они служили «с пашни», без жалованья, но освобождались от податей). После этого, по словам Акишина, в полку «с казачьи-ми вольностями было покончено». Во время пабега казахов в 1723 г. полк показал низкую боеспособность, и в 1724 г. губернатор М.В. Долгоруков «добился от Сената указа о преобразовании Тобольского драгунского полка в регулярную часть с штатной численностью и вооружением. Так, – пишет Акишин, – закончилась эволюция этого воинского подразделения от традиций “прибора” к регулярному формированию армии Петра I»⁴. Как видим, Тобольский драгунский полк мог стать частью регулярной армии лишь к концу первой четверти XVIII в., а никак не ранее.

Если статус сибирских драгун Дмитриев установил несколько противоречиво, то относительно сибирских рейтар и солдат его точка зрения носит более определенный характер. Он называет их, в отличие от драгун, регулярными подразделениями, правда, с оговорками: либо заключая слово «регулярный» в кавычки, либо подчеркивая условный характер такого определения – «сообразно критериям XVII в.» (с. 97, 169, 206). Из современных историков к аналогичному заключению по материалам московских солдатских полков пришел А.В. Малов; его Дмитриев как раз и цитирует (с. 187).

Такой подход к вопросу о появлении в России регулярных войск представляется малопродуктивным. «Элементы регулярства» в русской армии, если рассматривать ее «сообразно критериям» той или иной эпохи, можно увидеть и у стрельцов, особенно московских⁵. Можно, наконец, разделить процесс формирования регулярной армии на 2 этапа (как это фактически делает Дмитриев): сначала в составе вооруженных сил создаются регулярные войска, а затем регулярной становится вся армия (с. 130). Но при всех достижениях в изучении «предпосылок» и «элементов» надо все же считаться с тем очевидным фактом, что подлинно регулярная армия в России создана лишь в XVIII в., при Петре I, да и то далеко не сразу и не в полном объеме. Это, кстати, отмечает и Дмитриев, когда ставит вопрос о том, «можно ли считать всю русскую армию петровского времени регулярной» или же, как полагает ряд исследователей, тогда были заложены только «основы регулярной армии в России» (с. 197).

В этой связи уместен небольшой экскурс в историографию вопроса. Если в литературе начала 1950-х гг. господствовала точка зрения А.В. Чернова и Ф.И. Калинычева, безоговорочно относивших войска «нового строя» к регулярной армии (созданной в России якобы раньше, чем в Западной Европе), то в работах, вышедших позднее, уже в более «спокойные» времена, было широко представлено мнение таких историков, как Е.А. Разин и П.П. Епифанов, доказывавших, что в России XVII в. не было регулярной армии и что она возникла лишь в ходе военной реформы Петра I, не имея преемственной связи с предшествовавшими ей войсками «нового строя». Такой же точки зрения придерживаются и некоторые современные историки, указывая на реальные социально-экономические условия и финансовые возможности Российского государства XVII в., которые не позволяли создать регулярную армию.

Дмитриев приводит все эти оценки, называя первые (Чернова и Калинычева) «несколько преувеличенными», а вторые – «до некоторой степени справедливыми» (с. 19–21, 206), а наиболее приемлемой для себя, видимо, считает «промежуточную» точку зрения, предлагая (вслед за Маловым) давать характеристики рейтарским и солдатским полкам как «вполне регулярным», но – «сообразно критериям XVII в.». Это, разумеется, его право, однако долг рецензента отметить шаткость такой позиции, по крайней мере в отношении Сибири. Достаточно сопоставить материал, приведенный в самой монографии Дмитриева с общепринятыми (и в ней не отвергаемыми) представлениями о регулярном войске. Напомню, что главные его признаки, помимо постоянного характера службы, – систематические строевые и тактические занятия, единообразное вооружение, жизнь по уставу, содержание целиком за счет казны, исключаящее необходимость побочных заработков⁶. Соответствовали этим критериям рейтарские и солдатские полки Сибири?

Дмитриев приводит откровения Хилкова, учреждавшего в 1659 г. сибирские войска «нового строя». Уже в 1660 г. воевода сообщал в Москву, что рейтары и солдаты, не

получая денег, «на ученье не ходят и разбрелися по деревнишкам своим» (с. 51). Через 7 лет прибывший в Тобольск воевода П.И. Годунов обнаружил, что «начальные люди и рейтары служили с саадаки, а солдаты с винтованными пищалями заровно с беломестными казаки не строем... а николи они стройно под знаменами рейтары не бывали, и распускали их с... великих государей службы по домам и по своим промыслам для своих корыстей начальные люди... А строем те полки по-казацки». Кроме того, начальные люди были сами плохо обучены, «да и то-де они [ученье] забыли»⁷.

Предпринятые Годуновым преобразования кардинально ситуацию не изменили. Более того, как отмечает сам Дмитриев, в 1670-х гг. служба в сибирских войсках «нового строя» уже практически не отличалась от той, которая была характерна для обычных категорий сибирских служилых – детей боярских, казаков и стрельцов. Например, рейтары вместе с ними несли в степи сторожевую и дозорную службу, стояли на караулах в своих городах и «по очереди» охраняли небольшие острожки и слободы, отправлялись в экспедиции для поиска серебряной руды, ездили с «казной» и «со всякими делью» в Москву, использовались как рабочая сила и т.д. (с. 143–144, 153). Показательно, что при этом те же рейтары широко применяли привычную для войск «старого строя» практику наемничества и вместо себя отправляли на «службы» братьев, племянников и вообще посторонних лиц (с. 142).

Иначе говоря, военные реформы в Сибири второй половины XVII в. потерпели полный провал. Войска «нового строя» оказались там явно нежизнеспособными и быстро перерождались по сути дела в традиционные категории служилых людей. Крах реформ отчасти признает и Дмитриев, называя «попытку создания в Сибири полноценных войск “нового строя”... не до конца удавшейся», а достигнутые в ходе этих реформ результаты отнюдь не соответствующими «первоначальным планам и затраченным на их осуществление средствам» (с. 97–98). Думается, это слишком мягкие оценки.

Сибирские военные реформы потребовали огромных средств, в том числе на содержание иностранных офицеров и инструкторов, которые в подавляющем большинстве очень скоро покинули Сибирь, так и не обучив должным образом своих подопечных. И попытке организовать в Сибири войска «нового строя» можно было бы дать лишь однозначно негативную оценку, если бы не одно обстоятельство. В результате этих преобразований произошло значительное увеличение численности ратных людей за Уралом, что оказалось весьма кстати, поскольку практически совпало с башкирским восстанием и общим обострением военно-политической обстановки на юге Урала и Западной Сибири. Развернулись широкомасштабные военные действия, в которых войска «нового строя» приняли непосредственное участие. Каких-либо преимуществ перед войсками «старого строя» они при этом не показали (по крайней мере, Дмитриев не привел убедительных доказательств более высокой эффективности рейтарских и солдатских соединений по сравнению с казачьими или стрелецкими). Но с поставленными задачами в конечном итоге справились, хоть и вступали в бой «по-казацки», а «не строем», и из-за голода порой просто разбежались со службы⁸.

В чем же причина неудачи военных реформ в Сибири? Дмитриев считает, что полному их осуществлению помешала главным образом недостаточность финансирования («финансовый аспект неизменно оказывался ведущим»), а в качестве второстепенного вскользь отмечает еще одно обстоятельство: то, что московское правительство в данном случае не учитывало «специфику условий жизни в Сибири» (с. 51, 57, 203). Полагаю, однако, что на самом деле все обстояло «с точностью до наоборот»: «финансовый аспект», конечно, имел немаловажное значение (проблемы с выплатой жалованья в то время стояли остро и у традиционных категорий служилых⁹), но главная причина провала реформ все же заключалась как раз в слабом учете московскими властями сибирской специфики. А она состояла, прежде всего, в том, что войска «нового строя» были за Уралом совершенно не нужны.

В монографии Дмитриева об этом прямо не говорится, но все ее содержание подводит именно к такому заключению. Так, автор фактически признает в общем-то искусственный характер исследуемых им нововведений, отмечая, что они вовсе не были

продиктованы потребностями обороны региона. «Военно-политическая ситуация, сложившаяся в Западной Сибири к середине XVII в., не могла послужить толчком для формирования здесь войск “нового строя”» – пишет исследователь, и причины преобразований предлагает «искать скорее в факторах общероссийского масштаба, к числу которых можно отнести, во-первых, процессы модернизации и “европеизации” страны... и, во-вторых, централизацию власти и укрепление порядка в стране... Неустойчивым в политическом отношении служилым людям верховная власть искала замену» (с. 47). Потому-то вопросы чисто военной целесообразности, по мнению Дмитриева, играли при проведении реформ, «скорее всего, подчиненную роль» (с. 50, 96).

В XVII – начале XVIII в. самым серьезным противником русских в Западной Сибири являлась высокоманевренная конница татар, башкир, калмыков и казахов, противостоять которой с успехом могли и служилые люди традиционных категорий, имевшие богатый опыт борьбы с набегами кочевников. А самой большой проблемой у сибирских воевод являлся недостаток людских ресурсов для выполнения задач по колонизации огромного края. Даже в наиболее обжитом и заселенном Верхотурско-Тобольском районе военно-административный аппарат в XVII в. работал с колоссальным напряжением именно из-за нехватки людей. В воеводских «отписках» постоянны сетования на то, что «за службами» ратных людей в городах остается мало, да и «тех на караулы не достает». А порой в некоторых уездных центрах (Верхотурье, Туринск) «за россылками» и «отъезжими службами» ратных людей не оставалось вовсе, так что приходилось «ставить на караулы» посадских, крестьян, ямщиков и даже гулящих людей¹⁰. Отсюда понятно, почему рейтары и солдаты в Сибири часто использовались не по прямому назначению, почему их посылали, как и других служилых в «проезжие станции», заставляли «без перестани» стоять на караулах и «ученьями» не обременяли¹¹. Очень скоро в Сибири выявились недостатки войск «нового строя».

Как разъяснили воеводе Годунову в 1667 г. тобольские служилые, «рейтар татарина догнать в поле строем не поспеет»¹². Между тем «гоняться» за высокоманевренной конницей кочевников приходилось постоянно – и в ходе открытых полевых сражений, и после них, поскольку преследование противника с целью «отгромить» захваченные им добычу и «полон» было одной из главных забот ратных людей Сибири. Кроме того, как уже не раз отмечалось в литературе (в том числе и в монографии Дмитриева), единственным эффективным способом борьбы с кочевниками являлась активная оборона – зимние или весенние походы вглубь степей для нанесения превентивных ударов по вражеским кочевьям (с. 81, 83, 84, 202). И здесь войска «нового строя» явных преимуществ перед казачьими продемонстрировать не смогли.

Конечно, и в Сибири ратным людям порой было необходимо в бою «держаться строй» (чтобы не дать численно превосходящему противнику себя «конем стоптать» и «копьем смешать»). Однако элементарными навыками сражения «строем» обладали и традиционные категории служилых, и для Сибири XVII в. таких навыков, судя по всему, было достаточно. Например, во время нападения енисейских киргизов на Красноярск в 1678 г. местные казаки под предводительством ссыльного украинского полковника Василия Многогрешного ходили на вылазку «строем и учредя полк», в результате чего разгромили и отбросили от города неприятеля. Зимой 1680 г. из Томска под предводительством детей боярских Р.И. Старкова и И.М. Гречанинова в поход на киргизов выступила большая (более тысячи человек) рать, и когда она сошлась с главными силами противника, то билась «стройством», т.е., по определению С.В. Бахрушина, «регулярным строем» и тоже одержала победу¹³. Примечательно также, что в «Истории Сибирской», написанной сыном боярским С.У. Ремезовым (вернее, в вошедший в ее состав Кунгурской летописи), на одной из иллюстраций (к «статье» 58) изображен ровный, в одну шеренгу строй казаков, изготовившихся к бою с татарами¹⁴. И здесь не важно, использовался ли в действительности такой боевой порядок воинством Ермака: важно, что представления о сражении «строем» были широко распространены в сибирской служилой среде и не являлись исключительной прерогативой солдатских и рейтарских полков.

Поскольку в реальности служба в полках «нового строя» по своему характеру очень быстро перестала отличаться от казачьей и стрелецкой, а вознаграждаться должна была более щедро, понятно растущее в сибирской служилой среде и администрации недовольство таким положением вещей. Дмитриев тоже считает столь большую разницу в жалованье войск «нового» и «старого» строя «ничем не оправданной» и, кроме того, отмечает то обстоятельство, что «рейтары и солдаты принципиально не вписывались в структуру сибирских служилых “городов”, находясь вне традиционной служебной иерархии» (с. 96–97, 153). Отсюда и вполне логичное заключение о «непригодности для службы в Сибири рейтарских и солдатских полков» (с. 146), о незаинтересованности местной администрации в дальнейшем существовании войск «нового строя» в Сибири, об их не востребоваваемости и нежизнеспособности в сибирских условиях и фактическом превращении «в одну из групп приборных служилых людей» (с. 199, 205), к которым, как известно, принадлежали те же стрельцы и городовые казаки. Непонятно только, почему при такой оценке военных реформ в Сибири Дмитриев в конце концов не только не делает вывода об их провале, но и усматривает в воссозданной им истории войск «нового строя» свидетельство того, что «уже во второй половине XVII в. были известны и успешно применялись те же способы перевода отдельных частей и родов войск в составе русской армии на регулярную основу, которые впоследствии использовались первым российским императором» (с. 207).

Приходится констатировать, что в работе Дмитриева общие выводы порой плохо стыкуются с приведенным в ней же конкретно-историческим материалом. Явная неудача военных реформ в Сибири в XVII в. и дальнейшее развитие событий показали, что для военной службы за Уралом более всего подходили «иррегулярные» казачьи войска (впрочем, их «иррегулярность» с течением времени становилась столь же условной, как «регулярность» сибирских полков «нового строя» в XVII в.). На громадной по протяженности, редконаселенной и непрерывно колонизирующейся территории казаки оказались военной силой, наиболее отвечающей интересам государства и, кстати, в отличие от столичных чиновников, прекрасно сознавали это¹⁵.

Казаки обычно хорошо знали особенности местного театра военных действий, «воинский обычай», а часто и язык противника, были «привычны» к сибирским природным условиям и потому отличались выносливостью и неприхотливостью. Кроме того, перед регулярной армией у казаков имелось еще 2 несомненных преимущества – дешевизна содержания и универсальность. Последнее для малолюдной колонизируемой окраины было особенно важно. Как заметил авторитетный специалист по истории городского казачества Сибири А.Р. Ивонин, «незавершенность колонизационных процессов и соответствовавшая им недифференцированность служебных обязанностей делали казаков поистине незаменимыми проводниками военно-административного и полицейского начала на просторах северо-восточной Азии»¹⁶. Важна была и чисто военная сторона дела, уже давно нашедшая отражение в литературе. Так, Акишин, остановившись на напряженной военно-политической обстановке, в которой проходило формирование регулярной армии на юге Западной Сибири в первой четверти XVIII в., пишет: «Вскоре выяснилось, что для отражения налетов кочевников необходимы такие же подвижные, как у них, отряды, знакомые с тактикой партизанской войны. Охрану крепостей поручили сибирским казакам»¹⁷.

Примечателен такой факт. Правительство Петра I вознамерилось было вообще ликвидировать в Сибири иррегулярные войска, переведя городских казаков в сословия государственных крестьян и посадских людей, но в итоге отказалось от этой идеи. И отстаивал перед Сенатом необходимость сохранения в Сибири иррегулярных войск никто иной, как тобольский губернатор М.В. Долгоруков¹⁸. В конце XVIII в. была предпринята новая попытка упразднить городское казачество: на сей раз его предлагалось полностью перевести в состав формируемого на юге Западной Сибири линейного казачьего войска. Но и этот план не получил одобрения сибирской администрации. Тобольский губернатор Д.И. Чичерин твердо стоял на том, что «в рассуждении обширности Сибирской губернии и розсеенных жителей из диких народов по городам

без казаков никак обойтись невозможно, как оные употребляются в такие службы, в каковыя никакия чины способны быть не могут»¹⁹.

Городовое казачество Сибири упразднили лишь в 1881 г., да и то не полностью: было сделано исключение для наименее освоенного и весьма обширного района на северо-востоке края. Якутский казачий полк там благополучно просуществовал до начала XX в., находясь в ведении Министерства внутренних дел и являя собой, по словам занимавшихся этим феноменом исследователей, обособленную, реликтовую социальную группу, тип городского («полицейского») казака²⁰. Городовые казаки Сибири стали тем ядром, вокруг которого правительство в XVIII–XIX вв. формировало казачьи войска Азиатской России, прежде всего Сибирское и Забайкальское, которые, в свою очередь, становились базой для создания других казачьих войск (Семиреченского, Амурского, Уссурийского). Боеспособность «иррегулярных» войск Азиатской России оставалась в целом достаточно высокой (вспомним, как проявили себя казаки Урала и Сибири в ходе военных действий при покорении Центральной Азии²¹).

Надо заметить, что специфика Сибири как слабозаселенной колонизируемой окраины накладывала свой отпечаток и на положение размещенных там регулярных войск, делая их регулярность условной даже в середине XVIII в., особенно в наименее освоенных районах. По наблюдениям Г.Ф. Быкони, на востоке региона «как военная сила сибирские регулярные части использовались редко», и «функция корпуса пограничной стражи» была для них «одной из основных». Наряду с казаками солдат в это время направляли и в экспедиции, и на всякого рода работы, причем случаи такого использования регулярных войск были отнюдь не единичными. Например, в Якутском пехотном полку, по словам Быкони, «большинство личного состава занималось обеспечением своего полка продовольствием, фуражом, доставкой и починкой амуниции, содержанием полковых мельниц, кузниц, табуна и даже полковым хлебопашеством»²². Между тем сопряжение военной службы с хозяйственными занятиями (земледелием, промыслами и т.п.) считается одним из существенных черт иррегулярной армии²³.

По-видимому, к началу XIX в. в правительственных кругах окончательно возобладало намерение возложить охрану сибирских рубежей главным образом на иррегулярные казачьи войска. Это представлялось целесообразным еще и потому, что с XVIII в. происходила все большая «регуляризация» казачьей службы – сближение казачьих частей с регулярными в организации, структуре, экипировке и т.п.²⁴ После 1812 г., когда армейские полки, дислоцированные вдоль южной границы Западной Сибири, были переброшены в Европейскую Россию, защита сибирских укрепленных линий возлагалась практически на одних казаков²⁵.

Вернемся, однако, к монографии А.В. Дмитриева. Это, несомненно, не только интересная, но и добротная работа, где автор проявил себя как квалифицированный и вполне компетентный исследователь. И вряд ли ему были неизвестны факты, однозначно свидетельствующие о нежизнеспособности регулярных войск в Сибири и предпочтительности для нее казачества в качестве основной военной силы. Судя по приложенной к его книге библиографии, он располагал такими данными. Вывод о полном провале военных реформ в Сибири XVII в. вытекает из этой монографии со всей определенностью. Почему же Дмитриев хоть и подходит к нему достаточно близко, не делает выводов, которые напрашиваются сами собой?

Невольно возникает предположение, что все дело в изначально принятой им установке на «актуализацию» своей работы посредством ее привязки к столь важной проблеме, как изучение предпосылок реформ Петра I. Отсюда и цель – «еще раз проследить, сколь многое связывало военные реформы Петра I с деятельностью его предшественников» (с. 188, 207). Сибирский материал в этом отношении оказался не слишком показательным, однако принятая установка зачастую мешала автору верно расставить акценты и сделать очевидные выводы.

Если это предположение верно, то мы имеем дело далеко не с самым удачным примером актуализации исследования. И тем не менее монографию А.В. Дмитриева следует признать актуальной. Только не из-за привязки к реформам Петра I. Приведен-

ный в этом исследовании материал – прекрасная иллюстрация того, что получается, когда в принципе верные решения принимаются без соответствующего финансового обеспечения и учета местной специфики.

Примечания

¹ *Дмитриев А.В.* Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. 240 с.

² См.: *Горская Н.А.* Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). М., 1994. С. 156; *История казачества Азиатской России. Т. 1. XVI – первая половина XIX века.* Екатеринбург, 1995. С. 6, 18; *Черновская В.Н.* «Восточный фронт» России XVII – начала XVIII века: Историко-географические очерки. Владивосток, 2003. С. 30.

³ *Леонтьева Г.А.* Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; *Соколовский И.Р.* Участие служилых людей польско-литовского происхождения в присоединении и освоении Сибири в XVII веке. Новосибирск, 2000.

⁴ *Акишин М.О.* Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 10.

⁵ *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). Изд. 2. СПб., 2002. С. 193.

⁶ См.: *Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1.* М., 1979. С. 247–248; *Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2.* М., 1987. С. 187.

⁷ Цит. по: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 1. М., 1955. С. 274, 277.

⁸ Например, в Невьяновской слободе из 70 солдат в 1667 г. налицо было лишь пятеро (*Бахрушин С.В.* Указ. соч. Т. III. Ч. 1. С. 278).

⁹ См.: *Никитин Н.И.* Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда в XVII в. // *Общественно-политическое развитие феодальной России.* М., 1985. С. 58–62.

¹⁰ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 94–97.

¹¹ *Бахрушин С.В.* Указ. соч. Т. III. Ч. 1. С. 277–278.

¹² Там же. С. 278.

¹³ Там же. Ч. 2. М., 1955. С. 215–216.

¹⁴ *Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская).* Рязань, 2008. С. 515.

¹⁵ А.В. Дмитриев цитирует интересный документ 1670-х гг., в котором рядовые стрельцы и казаки пытались убедить Москву, что для государства «казачья-де служба перед салдацкою прибылнее» (*Дмитриев А.В.* Указ. соч. С. 122).

¹⁶ *Ивонин А.Р.* Численность и состав городских казаков Западной Сибири XVIII – первой четверти XIX вв. // *Демографическое развитие Сибири периода феодализма.* Новосибирск, 1991. С. 17.

¹⁷ *Акишин М.О.* Указ. соч. С. 11.

¹⁸ Там же. С. 14.

¹⁹ Цит. по: *Ивонин А.Р.* Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. Барнаул, 1996. С. 32.

²⁰ *Чертков А.С.* Якутское казачество во второй половине XIX – начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1990; *Романов Г.И.* Казачье население Восточной Сибири (конец XIX – начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1996. С. 3, 13, 14.

²¹ См.: *Селищев Н.Ю.* Казаки и Россия. Дорогами прошлого. М., 1992. С. 12; *История казачества Азиатской России. Т. 2.* Екатеринбург, 1995. С. 60–68; *Смирнов А.* Часовые империи. Сибирское казачье войско на службе отечеству // *Родина.* 1997. № 8. С. 36–42; *он же.* На «бухарской» стороне // *Родина.* 2004. № 5. С. 56–60.

²² *Быконя Г.Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985. С. 188–189.

²³ *История казачества Азиатской России. Т. 1.* С. 50.

²⁴ Там же.

²⁵ *Смирнов А.* Часовые империи... С. 38; *Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде.* М., 2008. С. 400.